

И. А. ЗАВАДСКАЯ
**О СТРОИТЕЛЬНЫХ ПЕРИОДАХ
ХРАМА СВ. АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА В ПАРТЕНИТЕ**

В Крыму известно не так много средневековых архитектурных памятников, историю создания и функционирования которых можно было бы совершенно определенно связывать с конкретными историческими личностями. Как правило, такая связь устанавливается на основе строительных надписей, обнаруживаемых при исследовании архитектурно-археологических объектов. Историческое значение таких, к сожалению, редких находок трудно переоценить. Благодаря им, исследуемые сооружения становятся знаковыми, эталонными памятниками, материальным выражением определенной эпохи. К их числу принадлежит Партенитская базилика, отождествленная на основании эпиграфических и агиографических свидетельств с храмом св. Апостолов Петра и Павла монастыря Иоанна Готского, епископа второй половины VIII в. Значимость этого храма для истории христианства в Крыму предопределила повышенный интерес к нему многих исследователей. Тем не менее, в истории формирования данного объекта, представляющего собой сложный архитектурно-археологический комплекс, продолжает оставаться ряд спорных, неразрешенных проблем, важнейшей из которых является хронология.

Исследование Партенитской базилики имеет давнюю историю. Ее руины, интерпретированные сначала как остатки древнего водопровода, были обнаружены в 1869 г. у подножия горы Аю-Даг¹ в ходе работ по строительству дороги [1, с. 723; 2, с. 309-311]. Первые археологические раскопки проводились здесь по инициативе художника Д. М. Струкова в 1871 г., который и установил характер открытого сооружения. Полученные результаты были опубликованы

¹ В то время эта местность входила в имение Н. Н. Раевского, сейчас является территорией санатория "Крым".

самим Д. М. Струковым, а также священником Н. Клопотовичем, непосредственно руководившим работами [1, с. 723-728; 3, с. 9-10; 4, с. 37-39]. Однако в предоставленных ими данных существуют некоторые расхождения относительно объема проведенных раскопок, что наглядно отражено и на их планах² [2, табл. V; 4, с. 38]. Из отчета и плана Н. Клопотовича следует, что раскопана была лишь северо-восточная часть храма (рис. 1). Работы ограничивались перерезавшей храм дорогой, которую управляющий имением, по словам Н. Клопотовича, запретил рыть [1, с. 725]. Он также сообщает, что обнаруженные в правом приделе могилы "не решились открывать" [там же]. Информация, опубликованная Д. М. Струковым, крайне ограничена. Тем не менее, исходя из данного им плана, видно, что храм был затронут раскопками по всей площади, исключая окружную галерею (рис. 2). Некоторые дополнительные сведения о проведенных Д.М. Струковым работах содержатся в неопубликованных вариантах его докладной записки об исследованиях в Крыму в 1868 и 1871 гг. [5; 6]. Из нее также следует, что раскопки 1871 г. охватили более обширную площадь, нежели описывает Н. Клопотович. Кроме того, тогда же были вскрыты две гробницы, одна из которых находилась в правом приделе³, другая – в юго-западной части храма, в которой помимо костных останков были обнаружены предметы. Согласно описанию Д.М. Струкова, в ней найдены: "подкова от сапога, крючки от удочки, железная пряжка, кусок рельефного изображения нижней части человеческой фигуры как бы образа, часть костяной ручки как бы от сабли и медная монета", которая "по определению академика Броссе, относится к VIII в."⁴ [5, л. 14; 6, л. 14-15].

В течение длительного времени с момента открытия храма и после раскопок 1871 г. строители близлежащей дороги разбирали его руины и вывозили тесанные каменные блоки и архитектурные детали, используя их в качестве строительного материала при устройстве стен вдоль дороги [7, с. 92].

В 1892 г. Д. М. Струков во время своей очередной поездки в Крым посетил место раскопок и обнаружил, что все стены храма, им расчищенные, "засыпаны вновь землей, поверх которой идет шоссейная дорога. Не засыпанной же осталась только алтарная часть в бок от дороги, поросшая бурьяном и мелким кустарником" [8, л. 10]. Все это не позволило ему провести новые исследования.

² План Н.Клопотовича опубликован в статье Г.Караулова, которая также содержит информацию о раскопках 1871 г. из материалов Н.Клопотовича [2, табл. V].

³ В гробнице, расположенной в правом приделе, обнаружены останки двух погребенных "головами вместе и ногами врозь" [5, л. 14]. Схема этой гробницы показана и на плане Д.М.Струкова [4, с. 38]. На плане Н.И.Репникова в этом месте обозначены две плитовые могилы №№ 10 и 11 [7, с. 108, рис. 8]. Расхождения в описаниях погребений, данных Д.М.Струковым и Н.И.Репниковым, могут свидетельствовать о том, что над могилами №№ 10 и 11 находилась более поздняя гробница, открытая в 1871 г.

⁴ Описания монеты Д.М.Струков не приводит.

В 1907 г. под руководством Н. И. Репникова состоялись повторные раскопки, в ходе которых были полностью открыты архитектурные остатки храмового комплекса и северо-западная часть окружной галереи с портиком. Отчет об этих работах остается на сегодняшний день наиболее подробным описанием данного памятника [7, с. 91-140].

В 1998-2001 гг. сотрудники Государственного Эрмитажа и Крымского филиала Института археологии НАН Украины проводили исследование отдельных частей Партенитской базилики и сооружений, примыкающих к ней. К северо-западу от храмового комплекса раскопано первое монастырское помещение X–XI вв. [9; 10; 11; 12; 13, с. 84-85; 14, с. 6-8].

Первостепенную роль в формировании представления об истории рассматриваемого памятника сыграли эпиграфические и агиографические свидетельства. Так, в ходе раскопок 1871 г. в вымостке пола предалтарной части был обнаружен камень с надписью, повествующей о восстановлении "митрополитом города Феодоро и всей Готии" Дамианом в 1427 г. храма святых Апостолов Петра и Павла, построенного Иоанном Исповедником "архиепископом города Феодоро и всей Готии" [2, с. 312-313; 15, с. 77-79, № 70]. Одновременно с этой надписью в засыпи храма нашли еще два камня с надписями, одна из которых осталась не расшифрованной [15, с. 79-80, № 71], а перевод другой сделал на месте греческий священник из с. Аутки о. Иордан. Она заключала в себе монограмму и греческие слова, идущие по кругу: "Дамиан. Митрополит города Феодоро" [5, л. 14]. Впервые эта надпись опубликована в 1991 г. В. Л. Мыцом [16, с. 186-188]. Нахождение на территории базилики двух эпиграфических памятников с именем митрополита Дамиана служит весомым аргументом в пользу их изначальной принадлежности именно этой базилике.

Исследование В. Г. Васильевским Жития Иоанна Готского, впервые вышедшее в свет в 1878 г. [17, с. 86-154; 18, с. 351-427], не оставило сомнений в том, что упомянутый в нем монастырь св. Апостолов в торжище Партенитах (на родине Иоанна Готского) тождественен храму св. Апостолов Петра и Павла из надписи 1427 г. и, следовательно, имеет прямое отношение к базилике, открытой Д.М.Струковым. В 1884 г. вблизи развалин обнаружен еще один эпиграфический памятник с упоминанием монастыря святых Апостолов [19, л. 32]. Речь идет о надгробии 906 г. аввы Никиты, игумена данного монастыря [15, с. 74-77, № 69]. Таким образом, все эти взаимосвязанные между собой источники, в свою очередь, демонстрируют связь Партенитской базилики с именем Иоанна Готского, которая до последнего времени оставалась общепризнанной.

Под сомнение этот постулат поставили авторы публикаций о доисследовании храма и близлежащей территории в 1998-2001 гг. [9; 10; 11; 12; 14, с. 6-8]. Исходя из архитектурно-типологических особенностей храма и

полученного археологического материала, они полагают, что появление монастыря св. Апостолов Петра и Павла и храма на его территории следует относить ко времени не ранее конца IX – начала X в. [12, с. 41; 14, с. 8]. Однако такая датировка полностью исключает возможность считать данный памятник монастырем св. Апостолов, поскольку такое название в Партенитах мог иметь только лишь монастырь, связанный с Иоанном Готским, епископом второй половины VIII в. Наличие двух монастырей с одинаковым посвящением на столь незначительной территории вряд ли допустимо.

Открытие в 2000-2001 гг. монастырских сооружений (помещения и ограды) в округе храма имеет большое значение, так как по сути впервые археологическим путем было подтверждено, что Партенитская базилика является центром монастыря. Этот факт еще более связывает “храм святых Апостолов Петра и Павла” из надписи митрополита Дамиана с “монастырем святых Апостолов” Жития Иоанна Готского и эпитафии игумена Никиты. Столь редкое созвучие различных источников вряд ли может оставлять сомнения в том, что монастырский комплекс Партенитской базилики представляет собой не что иное как монастырь св. Апостолов Петра и Павла, а следовательно, связан с деятельностью Иоанна Готского. Не доверять представленным источникам нет оснований.

Помимо уникального комплекса эпиграфических источников, Партенитская базилика вызывала интерес к себе и как архитектурный памятник. Практически все исследователи отмечали богатое убранство и значительные размеры открытого храма, что существенно отличало его от многочисленных небольших храмов часовенного типа ближайшей округи [20, л. 1; 1, с. 724; 2, с. 308; 18, с. 42]. До сегодняшнего дня, несмотря на неоднократные разведки и раскопки в этом регионе, ситуация не изменилась. Партенитская базилика продолжает оставаться здесь самым значимым для истории христианства архитектурно-археологическим объектом.

В архитектурно-археологическом отношении Партенитская базилика представляет собой достаточно сложный комплекс разновременных наслоений. На это обратил внимание уже ее первый исследователь Д.М. Струков, отметив, что храм имеет “закладки стен разного времени” [5, л. 14]. Н.И. Репников, на основании описанных им трех разновременных типов кладки, выделил три строительных периода, хронологию которых соотнес с данными рассмотренных надписей и Жития. Сооружение трехнефной трехапсидной базилики он датировал временем Иоанна Готского, а именно концом VIII в. Ее разрушение, по Н.И. Репникову, произошло в конце X в. Восстановление храма, второй строительный период, он связывает с митрополитом Дамианом и датирует 1427 г. Очередное разрушение храма св. Апостолов явилось результатом турецкого завоевания в 1475 г. К третьему строительному периоду Н.И. Репников отнес самый поздний храм, построенный в восточной части центрального нефа базилики в XVI в. [7, с. 96-

97]. Данная периодизация стала классической в отечественной исторической литературе. Однако, как представляется, на основе имеющихся материалов в ней допустимы определенные коррективы и некоторые гипотетические предположения. Прежде всего, это касается начальной истории Партенитской базилики.

Исходя из первичного плана, выделенного Н. И. Репниковым, Партенитскую базилику часто ставят в один типологический ряд с остальными трехапсидными базиликами Юго-Западного Крыма, в частности близ сел Передовое, Гончарное и на г. Пампук-Кая. Однако помимо сходства между ними есть и достаточно существенные черты отличия в конструктивно-планировочном решении. Одна из них связана с пропорциями наоса, т.е. средней части храма, исключая апсиды и нартекс. В упомянутых базиликах Юго-Западного Крыма они более укорочены, ширина их наосов превышает длину⁵. В Партенитской базилике ширина наоса практически равна его длине, что соответствует пропорциям наиболее укороченных базилик Херсонеса, а именно Северной, 1932 г., № 28 и № 15 [21, рис. 7; 22, с. 263]. Особенностью Партенитской базилики, в отличие от храмов в Передовом и Гончарном, является также наличие нартекса, разделенного двумя парами пилястр на три части в соответствии с трехнефной структурой наоса (рис. 3). Плановая трехчастность нартекса определяла его объемную композицию, которая внешне выглядела естественным продолжением трехчастного объемного решения средней части храма. Аналогичную структуру нартекса имеет большинство раннесредневековых херсонесских базилик, для которых нартекс вообще является неотъемлемой составляющей [21, с. 96-97].

Для выяснения первоначального облика Партенитской базилики большое значение имеет характеристика кладки отдельных частей ее здания. Согласно описанию Н. И. Репникова, первичная кладка, представляющая собой основу всего здания, состояла из тесаных блоков инкерманского камня на хорошем известковом растворе [7, с. 98]. Именно в этой технике сложены сохранившиеся ряды кладки центральной апсиды [7, с. 100]. Ко второму строительному периоду Н. И. Репников отнес "кладку из камней, смешанных по составу, но все же аккуратно пригнанных на извести" [7, с. 96]. К данному определению подходит описание кладки боковых апсид – "кладка худшего качества, но все же исполнена очень хорошо" [7, с. 100]. Несмотря на это отличие, зафиксированное самим автором, все три апсиды отнесены им к первоначальному зданию. Различие в кладках центральной и боковой апсид видно как на общем плане открытых развалин, так и на фотографиях, отражающих апсиды снаружи и изнутри [7, рис. 2-5, 8, 15-16, 24]. Все это дает основание предположить, что боковые апсиды были пристроены впоследствии и, следовательно, первоначально Партенитская базилика имела

⁵ Для базилик близ с. Поворотное и с. Гончарное отношение длины к ширине составляет 0,8:1,0, для храма на г. Пампук-Кая – 0,7:1,0.

одну центральную апсиду, что наряду с уже отмеченными чертами сближает ее с ранневизантийскими базиликами Херсонеса.

Важным представляется также вопрос о перекрытии Партенитской базилики. По предположению Н. И. Репникова, оно состояло из деревянных стропил и черепичной крыши, поскольку никаких фрагментов сводов не было обнаружено [7, с. 99-100]. Несмотря на это, Ю. Г. Лосицкий высказался в пользу сводчатого перекрытия. По его мнению, признаками сводчатости Партенитской базилики являются общие черты с базиликой на холме Тепсень (Планерское), а именно трехапсидность и наличие двух рядов столбов, вместо колонн [23, с. 35]. Действительно, возможность перекрытия боковых нефов Тепсеньской базилики сводами вполне очевидна. Об этом свидетельствует мощность ее стен, толщиной 1,7-1,9 м, сложенных из очень крупных блоков камня [24, с. 101-103], а также сравнительно небольшой пролет боковых нефов относительно толщины стен. Если принимать толщину стен за 1 модуль, то пролет боковых нефов Тепсеньской базилики составляет 1,6 модуля, а пролет центрального нефа – 4 модуля⁶. Кроме того, продольные стены Тепсеньской базилики имели выступы (пилястры), соответствующие аналогичным выступам на столбах, что значительно увеличивало опору сводов. Все это подтверждает предположение В.П.Бабенчикова о наличии сплошной аркады вдоль боковых нефов Тепсеньской базилики [24, с. 106]. Однако в отличие от нее Партенитская базилика не отличалась подобной монументальностью. Толщина ее стен составляет 74-80 см, пролет боковых нефов – 3 модуля, т.е. такой же, как и в херсонесских стропильных базиликах. Пролет центрального нефа равен 6 модулям⁷. Таким образом, несмотря на присутствие столбов Партенитская базилика не могла иметь сводчатого перекрытия, и во все периоды своей истории имела стропильную крышу, покрытую черепицей. Можно привести немало примеров, когда базилики со столбами имели деревянные перекрытия. Это восточно-причерноморские базилики в Пителинте (№ 3 по Л. Г. Хрушковой), в Петрах, в с. Алахадзы, Цандрипшская базилика первого строительного периода, балканская базилика в Несебре и т.д. [25, с. 176, 178; 26, с. 101; 104; 27, р. 330-331].

При решении вопроса о происхождении Партенитской базилики следует особое внимание обратить на декоративные архитектурные детали, прежде всего мраморные, обнаруженные на месте развалин и в округе. Уже в конце XVIII – первой половине XIX в. посещавшие эти места в разное время путешественники и исследователи Кларк, П.С.Паллас, П.И.Кеппен отмечают нахождение на восточном склоне Аю-Дага, т.е. в районе неоткрытой тогда еще базилики, беломраморных столбов (колонн), в том числе с рельефным крестом [7, с. 113;

⁶ Модули вычислены по плану В. П. Бабенчикова [24, рис. 4].

⁷ Отметим, что в херсонесских базиликах этот показатель равен 9-12 модулям, что объясняется их большими размерами в сравнении с Партенитской базиликой.

28, с. 38, 171]. В 1869 г. при открытии руин около апсиды нашли “довольно большую капитель из белого камня [мрамора] изящной резной работы” [1, с. 723].

Такую же капитель, а также другие архитектурные детали, в частности, фрагменты колонн, капителей выявили в ходе раскопок 1871 г. [2, с. 312]. В одном из вариантов своей докладной записки Д. М. Струков в кратком перечне найденных им архитектурных деталей упоминает фрагмент капители “с символами евангелистов” [6, л. 14]. Общеизвестно, что символами четырех евангелистов являются апокалипсические животные – лев, телец, ангел и орел. Изображения животных и птиц, получившие в христианстве глубокое символическое значение, присутствуют на некоторых ранневизантийских двухъярусных капителях VI в. Они известны в храмах Константинополя, Италии (Равенна, Венеция, Паренцо), Македонии (Стоби), Греции (Салоники, Афон) [29, с. 141-142; 30, с. 134-135; 31, р. 141-142, taf. 24-26; 53, р. 166]. Наиболее часто встречаются капители с рельефными украшениями в виде орла и головы барана (агнца). В качестве декора использовались образы и других животных. Примером может служить одна из капителей от колонны кивория базилики Eufrasiana в Паренцо с изображениями орла, льва и быка [31, р. 141, taf. 26,3]. Капители с символическими животными в целом как тип сравнительно редки и в общем количестве ранневизантийских капителей их процент очень невелик. А. Л. Бертье-Делагард объяснял это тем, что они имели особое назначение и, кроме того, их изготовление требовало большого мастерства. В Крыму подобные мраморные капители известны только в Херсонесе. Две из них украшены бараньими головами, еще одна изображениями орлов [29, с. 141; 30, с. 135]. Скорее всего, партенитская капитель, фрагмент которой обнаружен раскопками Д. М. Струкова, была аналогична мраморным образцам из Херсонеса. Местные подражания из известняка таким капителям вообще не известны. В докладной записке Д. М. Струков упоминает еще одну капитель, найденную в окрестностях базилики. По его словам, “совершенно подобная капитель такого же рисунка находится в храме св. Дмитрия в Солуни” конца V в. [6, л. 15]. Капитель и база колонны обнаружены также в имении Карасан, недалеко от Партенита, откуда, скорее всего, они и были привезены [там же].

К сожалению, практически все мраморные архитектурные детали, полученные в ходе раскопок Д. М. Струкова, утрачены. К моменту раскопок Н. И. Репникова сохранилась лишь одна мраморная ионическая импостная капитель, найденная в 1869 г. и хранившаяся в имении Раевских. Ее декор состоял из резных аканфовых листьев и крестов на лицевых гранях [7, с. 112, 137, рис. 46-48]. Ближайшие аналогии происходят из Херсонеса [30, с. 140-146, рис. 50]. Капители-импосты, в том числе в сочетании с ионической капителью, получают широкое распространение в VI в. [32, с. 365-366, 369]. Диаметр нижнего основания партенитской капители, составлявший 0,5 м, соответствует верхнему диаметру

мраморной колонны с рельефным крестом, ранее находившейся в Партените, затем перевезенной в Гурзуф, а оттуда в Алупку. Совпадали также отверстия для крепления на обеих деталях. Исходя из этого, Н. И. Репников сделал вывод, что изначально капитель и колонна составляли одно целое [7, с. 113]. Отметим, что диаметр колонны, равный 50 см вверху и 60 см внизу, соответствует самым крупным колоннам из Херсонеса [30, с. 146].

Помимо упомянутых деталей к элементам мраморного убранства принадлежат также плиты из проконесского мрамора, обнаруженные в вымостке позднего храма, занимавшего центральный неф [1, с. 724; 7, с. 101]. Мраморные плитки использовались и при ремонте узорчатой вымостки, сохранившейся во всех остальных частях базилики [7, с. 102-103].

Концентрация мраморных деталей в районе Партенитской базилики ставит по крайней мере три важных вопроса – откуда, когда и для каких целей они были сюда привезены.

Изделия из мрамора в ранневизантийский период поступали в Крым, также как и в другие регионы Византии, из императорских мастерских, расположенных на островах в Мраморном море. Главным потребителем их в Юго-Западном Крыму являлся Херсонес, обладатель богатейшей коллекции декоративных мраморов, составлявших убранство многочисленных ранневизантийских городских базилик. Именно через Херсонес мраморные детали доставлялись для аналогичных храмов на Мангуп и Эски-Кермен. В VII в. большинство мраморных карьеров, в том числе и проконесских – основных поставщиков Крыма, приходят в упадок. Обнаруженные на острове Проконнесс готовые формы датируются не позднее VI в. [33, с. 151-152]. Следовательно, прямые поставки в Крым в более позднее время исключены.

Есть все основания предполагать, что в Партенит мраморные детали были привезены из Херсонеса. Участие Херсонеса в строительстве партенитской базилики подтверждается использованием т.н. инкерманского камня, из штучных блоков которого построено первоначальное здание базилики. На южном берегу этот камень, представляющий собой мшанковый известняк, не встречается. Его месторождением является Внутренняя гряда предгорья на участке от Инкермана до р. Альма. Как предполагал еще Н.И.Репников, вероятнее всего, готовые блоки известняка доставляли в Партенит по морю из устья реки Черная, ближайшей округи Херсонеса [7, с. 96]. Одновременно могли быть транспортированы и архитектурные детали. Таким образом, появление их здесь вполне резонно связывать со строительством базилики. Однако остается вопрос о применении в ней колонн и капителей. Судя по приводимым Н. И. Репниковым размерам колонны и капители, аналогичные детали в херсонесских базиликах использовались во внутренних колоннадах. Согласно материалам раскопок Н. И. Репникова, роль внутренних опор

Партенитской базилики выполняли расположенные по 4 в два ряда массивные квадратные столбы, сложенные "из отлично тесанных инкерманских плит на хорошем растворе", что соответствует кладке первого строительного периода [7, с. 99, рис. 8; 19, л. 34]. Тем не менее, неоднократное нахождение здесь колонн и капителей не может объясняться простой случайностью, особенно учитывая взаимосвязь между капителью и колонной, установленную Н.И.Репниковым. Категорически исключать возможность использования их в первоначальном здании базилики в качестве опор вероятно не стоит [34, с. 45-46]. В любом случае их привезли сюда именно для этих целей. Но, вполне возможно, по каким-либо причинам, одной из которых может быть недостаток такого рода деталей, изначальный проект был изменен, и роль опор выполнили сложенные из блоков столбы. История византийского строительства знает немало примеров модификаций первичных проектов в процессе строительства или сразу после его окончания [33, с. 99]. В данном случае большое значение имеет сам факт привоза сюда этих деталей, который, как представляется, свидетельствует о том, что базилика сооружалась в эпоху, когда традиции ранневизантийского базиликального строительства, носителем которых являлся Херсонес, были еще живы. Об этом помимо мраморных деталей свидетельствуют отмеченные выше конструктивно-планировочные черты, сближающие Партенитскую базилику с херсонесскими. Однако существенным отличием между ними являются их размеры. Партенитская базилика значительно меньше даже самых небольших херсонесских аналогов, хотя и сохраняет их пропорции. В то же время она близка по своим размерам базиликам близ с. Гончарное и с. Поворотное, но их пропорции отличаются (рис. 3; 4). Не исключено, что все это может указывать на некоторую временную дистанцию между Партенитской базиликой и базиликами Херсонеса⁸, с одной стороны, и Юго-Западного Крыма⁹, с другой.

Определение точной даты первоначального строительства Партенитской базилики в настоящее время вряд ли возможно. Это обусловлено, как длительным функционированием и многократными перестройками самого храма, так и практическим игнорированием археологического материала в ходе самых масштабных раскопок в 1907 г. Тем не менее, как представляется, вполне допустимо задать примерные хронологические рамки этого строительства. Нижняя граница определяется временем появления эмпория Партениты. Согласно Житию Иоанна Готского, он являлся уроженцем этого места, вероятно уже во втором поколении, т.к. сюда переехал из Полемониева Понта его дед. В.Г.Васильевский относит это событие к началу VIII в. [18, с. 400]. Следова-

⁸ Базилики Херсонеса датируются разными исследователями в пределах V – первой половины VII вв.

⁹ Базилику близ с. Гончарное А. Л. Якобсон относил к VIII в. [35, с. 131]. А. И. Романчук датирует базилику около с. Поворотное VIII – началом IX в. [36, с. 18].

тельно, к этому времени торжище уже существовало. Это подтверждается и результатами археологических исследований жилой застройки на территории древних Партенит. Самые ранние комплексы, выявленные здесь, Е. А. Паршина на основании керамического материала датирует VII–VIII вв., не исключая даже конец VI в. [37, с. 68-69, 74]. В 1905 г. при перекопке виноградника около места развалин Партенитской базилики были обнаружены шесть моливдовулов [38, с. 160-164; 7, с. 95]. По уточненной атрибуции, проведенной Н. А. Алексеенко по публикации Б. Панченко, две печати с крестообразными монограммами принадлежат VII–VIII вв.¹⁰ [38, рис. 5, 6].

Учитывая приведенные выше свидетельства херсонесского влияния, вполне естественно предположить, что первоначальное строительство Партенитской базилики могло проводиться под патронатом Херсонской епархии. Территориально Партенит входил в т.н. область Дори, простиравшуюся от Алустана до устья реки Черной [39, с. 111]. В церковно-административном отношении эта область находилась в ведении Херсонской церкви, что подтверждает подпись Георгия, епископа *Χερσωνος της Δόραντος* (Херсона Дорантского), под деяниями Трулльского собора в 692 г. [40, р. 151; 41, с. 189-190; 39, с. 161]. Таким образом, вплоть до образования самостоятельной Готской епархии, которое относится ко времени до иконоборческого собора 754 г., т.е. к первой половине VIII в. [18, с. 406; 39, с. 208], куратором и, вероятно, организатором культового строительства в области Дори являлся епископ Херсона. Согласно правилам (№№ 4 и 24) IV Вселенского Халкидонского собора 451 г., которые были подтверждены правилом № 49 Трулльского собора 692 г., основание монастырей могло происходить только с разрешения местного епископа, в подчинении которого находились и все монашеские [42, с. 165, 231, 449]. Не исключено, что историческим отголоском зависимости южнобережной территории от Херсонской епархии в ранневизантийский период может являться спор, разгоревшийся в конце XIV в. между митрополитами Херсонским, с одной стороны, и Готским и Сугдейским, с другой, за владение рядом приморских местностей, среди которых был и Партенит [43, с. 458-469; 44, с. 26-28].

Таким образом, если предположение о первоначальном строительстве Партенитской базилики Херсонской епархией верно, верхней хронологической границей этого события является образование Готской епархии, во владения которой наряду с другими обширными территориями горного и южнобережного Крыма вошел и Партенит. Наиболее вероятным временем строительства, как представляется, может быть конец VII – начало VIII вв. Базилика этого периода имела одну полукруглую апсиду, на нефы ее разделяли два ряда либо

¹⁰ Выражаю благодарность Н. А. Алексеенко за помощь в определении моливдовулов, опубликованных Б. Панченко в 1906 г.

мраморных колонн с ранневизантийскими капителями, либо каменных столбов, как результат изменения первоначального проекта; перекрытие составляли деревянные стропила, полы могли быть высланы мраморными и известняковыми плитами.

Следующий период в истории рассматриваемого храма, скорее всего, связан уже с деятельностью епископа Иоанна Готского примерно в 760-е – 787 гг. В шестой главе его Жития сказано, что после смерти Иоанн (вернее, его тело) прибыл “в монастырь свой в Партенитах, называемый святыми Апостолами, и там был погребен”, а также о том, что “монастырь этот преподобный снабдил всяким благолепием зданий и святых сосудов и различных книг и поместил в нем множество монахов” [18, с. 398]. Таким образом, в Житии не говорится об основании монастыря именно Иоанном Готским, а лишь о благоустройстве и преобразовании его преподобным. Не исключено, что именно ему монастырь обязан своим возрождением после возможного запустения при его предшественнике. Учитывая партенитское происхождение Иоанна, вполне объяснимо его покровительство и забота о местном монастыре, который стал для него своим. Огромная значимость личности Иоанна Готского как в истории данного монастыря, так и в истории всей Готской епархии, постепенно вытеснила из исторической памяти раннюю историю этого памятника и имена его основателей. В строительной надписи митрополита Дамиана (1427 г.) именно Иоанн представлен как строитель храма “от основания за многие годы” [15, с. 77-79, № 70]. Такое подчеркивание изначальной принадлежности храма готскому иерарху в свете не очень отдаленного периода территориальных споров с Херсонской епархией имело вполне определенную политическую цель. Данную надпись, как представляется, вполне можно рассматривать как своего рода ответ на акт 1390 г. патриарха Макария, присудившего ряд южнобережных мест, в том числе и Партениты, Херсонскому митрополиту, неоднократно отметив при этом, что они “издревле и от начала” зависели от Херсонской церкви [43, с. 467-469]. К 1427 г. эти территории вновь принадлежали Готскому митрополиту, который своей строительной надписью, а также надписью с монограммой своего имени, вероятно также установленной в монастыре, закреплял здесь свое право.

Как уже отмечалось, архитектурно-археологические остатки Партенитской базилики несут на себе следы неоднократных перестроек. Наиболее существенные преобразования затронули ее восточную часть. Их результатом явились изолированные отделения, образованные в восточных половинах боковых нефов, дополненных полукруглыми апсидами. Не исключено, что данная трансформация была совершена в два приема: сначала построили апсиды, а позже посредством закладки межопорных пространств и сооружения поперечных стен в боковых нефвах получили изолированные компартименты.

На вторичное происхождение боковых апсид указывает как характер их кладок, на что уже указывалось ранее, так и конструктивная разобщенность всех трех апсид, что существенно отличает их от более развитых восточных частей изначальных трехапсидных храмов Юго-Западного Крыма. Превращение ранних одноапсидных базилик в трехапсидные – достаточно распространенное явление в византийском церковном строительстве. К числу наиболее ранних примеров подобных перестроек, относимых к VI в., принадлежит ряд балканских базилик, в частности на форуме в Новэ, № 2 в Плевене, № 3 в Караново, в Браниполе [45, р. 37; 46, с. 205, 214, 247, 256]. В начале VIII в. при восстановлении трехнефной одноапсидной базилики Панагия Канакария конца V в. в Lythrankomi на Кипре она также была снабжена двумя боковыми апсидами и двумя рядами каменных столбов, заменивших колонны [47, р. 30-34]. Дополнительные боковые апсиды были сооружены также в некоторых крымских ранневизантийских базиликах. В Мангупской базилике пристройку полукруглой апсиды к южному нефу Н. И. Бармина относит к X в. [48, с. 296]. Поздние боковые апсиды имели и некоторые херсонесские базилики, например, 1932 г. и Северная [49, с. 226]. Перестройка Северной базилики представляет собой ближайшую аналогию переустройству Партенитской базилики (рис. 4). В ее южном нефе также возвели дополнительную апсиду и стены, отделившие его восточную часть¹¹. Подобным же образом, вероятно, был преобразован и северный неф этой базилики, о чем свидетельствуют остатки поперечной стены [50, рис. 22]. Образование боковых ячеек характерно также для ряда ранних византийских базилик, перестроенных в IX–X вв. в крестово-купольные храмы, например, в Кидне, Амории, Пицунде [33 с. 102-104; 51, с. 38-45]. Не исключено, что преобразование восточной части Партенитской базилики находится в общем русле изменений значительной части ранневизантийских базилик с целью приспособить старые формы к новым литургическим требованиям.

Скорее всего, именно к периоду переустройства боковых нефов Партенитской базилики следует относить и узорчатую вымостку ее полов. Об этом свидетельствует характер вымостки восточной части южного нефа, безусловно созданной уже в изолированном помещении¹² (рис. 5). Узорчатый пол, вероятно, покрывал все части комплекса базилики, в том числе и центральный неф, где под плитами поздней вымостки находили его фрагменты [7, с. 101-103]. В галерее под просевшей узорчатой вымосткой в 1907 г.

¹¹ Данную перестройку Северной базилики Херсонеса С. Г. Рыжов отнес к периоду до IX (-X) вв. [54, с. 314].

¹² Реконструкция узорчатого настила в северном нефе, приведенная Н. И. Репниковым, не предполагает здесь поперечной стены, что не исключает возможность ее сооружения в более поздний период. К сожалению, текст отчета не позволяет прояснить вопрос о том, в какой зависимости находятся данная стена и вымостка.

обнаружили могилу № 20, вырытую в материке и покрытую тремя плитами [7, с. 109]. Данная могила находилась строго перед центральным входом в нартекс, а, следовательно, сооружена в тот период, когда базилика уже существовала. Факт перекрытия ее вымосткой может также служить косвенным подтверждением более позднего происхождения вымостки.

Преобразование Партенитской базилики, скорее всего, не было связано с каким-либо значительным ее разрушением, а явилось следствием определенных изменений культового характера и общего благоустройства. О времени данных преобразований судить трудно. Нельзя исключать вероятности того, что они могли иметь место уже при Иоанне Готском. Однако, как показывают аналогии, появление боковых изолированных отделений – пастофорий возможно датировать и более поздним временем – IX–X вв.

Первое разрушение базилики, вероятно, следует соотносить со слоем пожара, зафиксированном Н. И. Репниковым в округе храма и в его западной части и датированном им концом X в. Основанием послужили медные монеты IX–X вв. в слое под пожаром и якобы полное отсутствие на территории храма находок XI–XIII вв. [7, с. 96]. Практически все монеты (10 из 11) в этом слое, упомянутые Н. И. Репниковым, принадлежат чеканке Херсонесского монетного двора. Большинство из них относятся к выпускам IX–X вв. Из всего состава самыми поздними являются три монеты с монограммой “ро”, ранее ошибочно причислявшиеся Роману I (920-944) (типы по А. Орешникову, табл. IX, 33, 35, 36) [7, с. 96, сн. 2; 58]. Монеты первых двух типов В. А. Анохин относит к наиболее ранним выпускам из всей группы монет с монограммой “ро”, а именно – № 33 при Романе III Аргире (1028-1034) и № 35 при Романе IV Диогене (1067-1071)¹³ [55, с. 123-124]. Монеты типа № 36 в Херсонесе фиксируются в слоях одновременно с сельджукскими дирхемами первой половины XIII в. По мнению Н. А. Алексеенко, их выпуск следует относить именно к этому времени [57, с. 189]. В интересующем нас слое, описанном Н. И. Репниковым, монета этого типа (№ 36) является единственной, которая датируется столь поздним временем, что дает основание говорить либо о случайном характере ее попадания в данный слой, либо об ошибке при определении. В то время все монеты с монограммой “ро” относили ко времени Романа I, что могло вызвать невнимательное отношение к атрибуции данной монеты. Поэтому вряд ли ее можно принимать во внимание при датировке данного слоя. Таким образом, гибель храма в пожаре относится, скорее всего, ко времени не ранее второй половины XI в.

Функционирование монастыря в X–XI вв. подтверждается также материалами раскопок 2000-2001 г. Открытое к северо-западу от базилики монастырское помещение датируется исследователями по нумизматическим данным первой

¹³ По мнению В. И. Соколовой, выпуск монет с монограммой “ро” начинается с последней четверти XI в. [56, с. 61].

половиной X – 70-ми гг. XI вв. [12, с. 41]. Не исключено, что разрушение храма и монастырской постройки относится к одному времени.

Согласно периодизации Н. И. Репникова, восстановление храма последовало лишь в 1427 г. Но вполне вероятно, что монастырь функционировал и до этого времени, о чем свидетельствуют обломки черепицы и керамических сосудов XII–XIII вв., обнаруженных в 2000 г. [11, с. 21], а также черепичные метки этого же времени из раскопок Н. И. Репникова [7, рис. 61, 62]. По замечанию исследователя, в слое над пожаром находились “в огромном количестве” фрагменты поливной посуды и татарские серебряные монеты конца XIII–XIV вв. [7, с. 97].

Возобновление храма при митрополите Дамиане в 1427 г. – это единственное точно датированное событие в истории Партенитской базилики. По Н.И. Репникову, храм этого времени занимал все три нефа базилики, которые были разделены глухими стенами, образовавшимися в результате закладов межопорных пространств [7, с. 104]. Подобные перестройки, значительно сокращавшие литургическое пространство, претерпели, скорее всего, в период XI–XIII вв. некоторые базилики Херсонеса, сохранившиеся до этого времени. На месте же разрушенных херсонесских базилик были сооружены новые, занимавшие лишь часть центрального нефа [52, с. 87-88]. Сокращение объемов позднего культового строительства на месте более ранних храмов было типичным явлением для всего Юго-Западного Крыма. Примерами могут служить однонефные храмы XIII и XIV вв. на месте ранних базилик близ с. Поворотное и с. Гончарное. Один из них занимал восточную часть северного нефа, другой был построен на месте среднего нефа (рис. 3) [36, с. 10, 23; 35, с. 126]. Не исключено, что и партенитский храм 1427 г. представлял собой типичную для позднесредневекового периода одноапсидную постройку, занявшую центральный неф первоначальной базилики, остальная площадь которой, в частности южного нефа, была использована для захоронений. Пол храма 1427 г. составляла вымостка из известняковых плит, которая по своему уровню была выше уровня полов в боковых нефях [7, рис. 10]. Именно эта вымостка стала основанием для стен самого позднего храма, функционирование которого Н.И. Репников относил к XVI–XVII вв. [7, с. 105; 9, с. 23].

Обобщая все вышесказанное, можно выделить следующие вехи в истории Партенитской базилики, которая по праву считается храмом св. Апостолов Петра и Павла. С большой долей вероятности ее возникновение можно отнести к самому раннему периоду истории эмпория Партениты и связать со строительной деятельностью херсонесского епископа, в подчинении которого до образования самостоятельной Готской епархии находилась вся область Дори. Предположительно базилика могла быть построена в конце VII – начале VIII в. Возможно, уже изначально она создавалась как монастырский храм, хотя не исключено, что превращение ее в центр монастыря относится ко времени Иоанна Готского. В любом случае именно с ним связано благоустройство, оснащение и

расширение монастыря, о чем свидетельствует текст его жития. Говорить о каких-либо конкретных перестройках в здании базилики, которые можно было бы вполне определенно относить ко второй половине VIII в., сложно. Скорее всего, переустройство храма, результатом которого явилось образование боковых пастофориев, принадлежит к более поздней эпохе – IX–X вв. Разрушение базилики и монастырских построек датируется второй половиной XI в. В последующий период функционирование монастыря, вероятно, не прекращалось, что подтверждается археологическими материалами XII–XIV вв. В 1427 г. при митрополите Дамиане храм восстанавливается, скорее всего, уже в сокращенном объеме. Еще более скромные размеры и убранство имел самый поздний в этом сложном архитектурно-археологическом комплексе храм XVI–XVII вв.

Таким образом, функционирование партенитского культового комплекса продолжалось примерно десять веков. Благодаря уникальному сочетанию архитектурно-археологических, эпиграфических и агиографических данных он превратился в один из важнейших памятников крымской истории. Его исследование нельзя считать завершенным. Предложенная концепция его создания и развития во многом носит предположительный, гипотетический характер, что в значительной степени обусловлено узостью источниковой базы. Тем не менее, высказанные положения имеют определенные основания, а следовательно, могут служить материалом для дальнейших штудий партенитского комплекса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Клопотович Н.* Открытия Д. М. Струкова // Таврические епархиальные ведомости. 1871. № 23.
2. *Караулов Г.* Недавняя археологическая находка в Крыму // ЗООИД. 1872. Т. 8.
3. *Струков Д.* О древнехристианских памятниках в Крыму. М., 1872.
4. *Струков Д.* Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876.
5. Записка об археологических изысканиях в 1868 и 1871 гг. художника Д. Струкова // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Гос. библиотеки, фонд № 293, картон № 24, ед. хр. № 2.
6. Докладная записка Д. Струкова о произведенных им обследованиях древнехристианских памятников в Крыму в 1868 и 1871 гг. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Гос. библиотеки, фонд № 293, картон № 24, ед. хр. № 9.
7. *Репников Н. И.* Партенитская базилика // ИАК. 1909. Вып. 32.
8. Черновые материалы, относящиеся к поездке Д. Струкова в Крым в 1892 г. и произведенных им работам по обследованию и изысканию древнехристианских храмов и долбленых помещений // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Гос. библиотеки, фонд № 293, картон № 25, ед. хр. № 37.
9. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Археологические исследования храма монастыря Святых апостолов Петра и Павла в Партените на Южном Берегу Крыма // Отчетная археологическая сессия за 1998 г. СПб., 1999.
10. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л., Смекалов С. Л.* Археологические исследования Партенитской базилики в 1999 г. // Отчетная археологическая сессия за 1999 год. СПб., 2000.

11. Адаксина С. Б., Золотарев М. И., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Работы Южно-Крымской археологической экспедиции в 2000 г. // Отчетная археологическая сессия за 2000 год. СПб., 2001.
12. Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Археологические исследования в Партените в 2001 г. // Отчетная археологическая сессия за 2001 год. СПб., 2002.
13. Лысенко А. В., Тесленко И. Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. Киев, 2002.
14. Адаксина С. Б. Аю-Даг – Крымский Афон // Византия в контексте мировой истории. Материалы научной конференции, посвященной памяти А. В. Банк. СПб., 2004.
15. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
16. Мыц В. Л. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV-XV вв. // Византийская Таврика. Киев, 1991.
17. Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки // ЖМНП. 1878. Январь. Ч. СХСV.
18. Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2.
19. Репников Н. И., Ротач А. Л. О датах базилик Крыма // Научный архив Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника. Д. № 37.
20. Струков Д. М. Материалы о раскопках храма у подошвы горы Аю-Даг. 1871 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Гос. библиотеки, фонд № 293, картон № 24, ед. хр. № 19.
21. Лосицкий Ю. Г. Про візантійські базиліки Херсонеса // Археологія. 1991. № 2.
22. Завадская И. А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
23. Лосицкий Ю. Г. До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія. 1990. № 2.
24. Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
25. Леквинадзе В. А. О постройках Юстиниана в Западной Грузии // ВВ. 1973. Т. 34.
26. Хрушкова Л. Г. Две раннехристианские трехапсидные базилики Абхазии // КСИА. 1993. № 212.
27. Wojadziej S. L'ancienne église Métropole de Nesebar // Byzantino-Bugarica. Sofia, 1962. T. I.
28. Кеппен П. О древностях Южного Берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
29. Бертъе-Делагард А. Л. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12.
30. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63.
31. Sonje A. I capitelli della basilica Eufrasiana di Parenzo // Studien zur spatantiken und byzantinischen kunst. Bonn, 1986. Teil 2.
32. Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002.
33. Остерхаут Р. Византийские строители. Киев; М., 2005.
34. Завадская И. А. К вопросу о раннем периоде Партенитской базилики // Культурные памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. Севастополь, 2004.
35. Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.
36. Романчук А. И. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек // АДСВ. 1976. Вып. 13.
37. Паршина Е. А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика. Киев, 1991.
38. Панченко Б. Шесть моливдовулов из Партенита // ИАК. 1906. Вып. 18.
39. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
40. Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste. Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692. Berlin; New York, 1990.
41. Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Вып. V.
42. Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 2000.

43. Древние акты константинопольского патриархата, относящиеся к новороссийскому краю // ЗООИД. 1867. Т. VI.
44. Богданова Н. М. Церковь Херсона в X-XI вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991.
45. *Parnicki-Pudelko S.* The Episcopal Basilica in Novae. Archeological Research 1976-1990. Poznan, 1995.
46. Чанева-Дечевска Н. Ранно-христианската архитектура в България IV-VI в. София, 1999.
47. *Megaw A. H. S., Hawkins J. W.* The Church of the Panagia Kanakaria at Lythrankomi in Cyprus. Washington, 1977.
48. Бармина Н. И. Раскопки в районе Мангупской базилики // АО 1977 г. М., 1978.
49. Белов Г. Д. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. № 4.
50. Айналов Д. В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. I.
51. Якобсон А. Л. О дате большого храма в Пицунде (Абхазия) // КСИА. 1972. Вып. 132.
52. Завадская И. А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
53. *Hoddinott R.F.* Early Byzantine Churches in Macedonia and Southern Serbia. London, 1963.
54. Рыжов С. Г. Доследование "Северной базилики" в Херсонесе // АО 1981 г. М., 1983.
55. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев, 1977.
56. Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсонеса. Л., 1983.
57. Алексеенко Н. А. К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХСб. 1996. Вып. VII.
58. Орешников А. Херсоно-византийские монеты // Труды Московского нумизматического общества. М., 1905.

Zavadskaya I. A.

On Construction Period of the St Peter and Paul Church in Partenit Summary

The church complex known in literature as Partenit basilica is one of the best known and most important Christian monuments of Medieval Crimea. Due to the unique combination of epigraphic and hagiographic data it is identified with the church belonging to St Apostles Peter and Paul monastery founded on the homeland of the bishop of the second half of the 8th century John of Gothia in the emporium of Partenit. Basilica has been researched several times. In this article we offer new periodization and interpretation of the history of this complex.

Taking into consideration architecture – compositional peculiarities, building and decorative materials, construction of the original basilica with three aisles and, probably, with one apse can be dated to the earliest period in the history of Partenit (presumably, to the end of the 7th – the beginning of the 8th centuries) and associate it with building activities of Chersonesos diocese. With the formation of independent Gothic diocese, most probably in the first half of the 8th century, the region of Dori, Partenit as a part of it, was placed under the authority of Gothic episcopate. Prosperity and enlargement of the monastery of St. Apostles were connected with the activities of John the Gothian. Radical rearrangement of the basilica can be dated to the 9th – 10 centuries, as a result of it isolated side rooms with apses appeared. The destruction of the basilica is dated by the period not earlier than the second half of the 11th century. In 1427 the church was restored by Gothian metropolitan Damian. The last period in the history of the complex is connected with a small church built in the eastern part of the central nave of the basilica. Most probable in the 16th century.

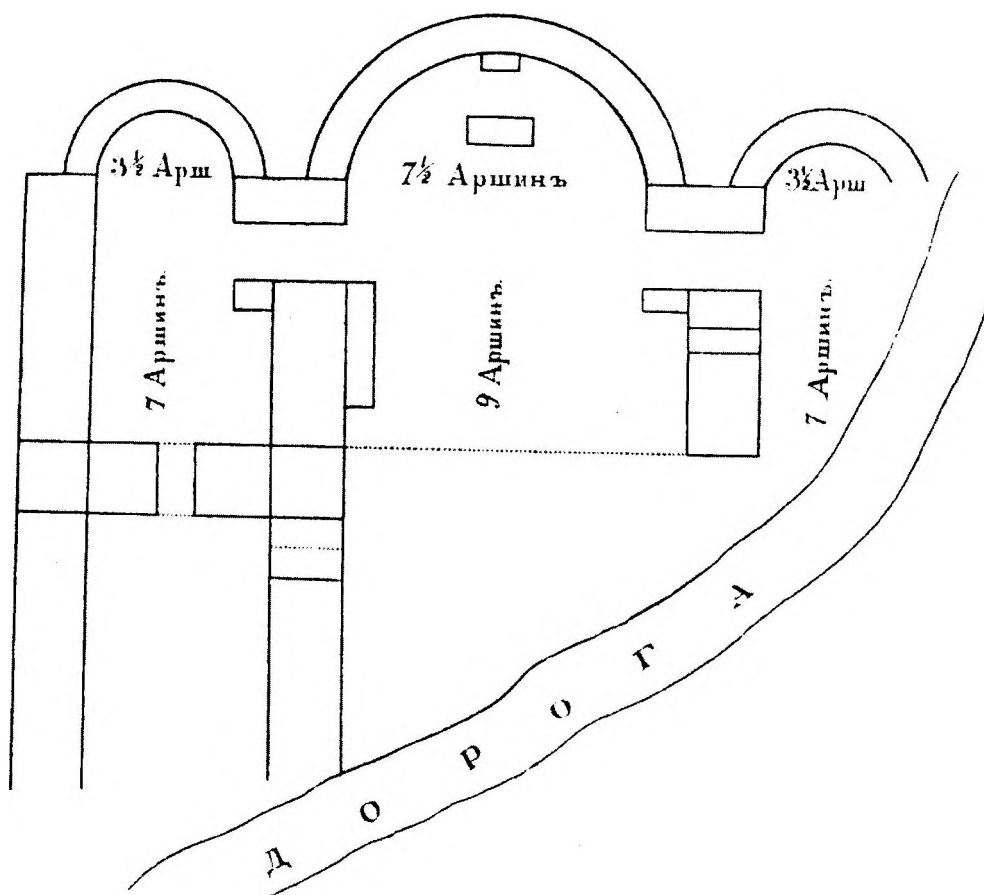

Рис. 1. План Партенитской базилики по Н. Клоповичу. 1871 г. [2].

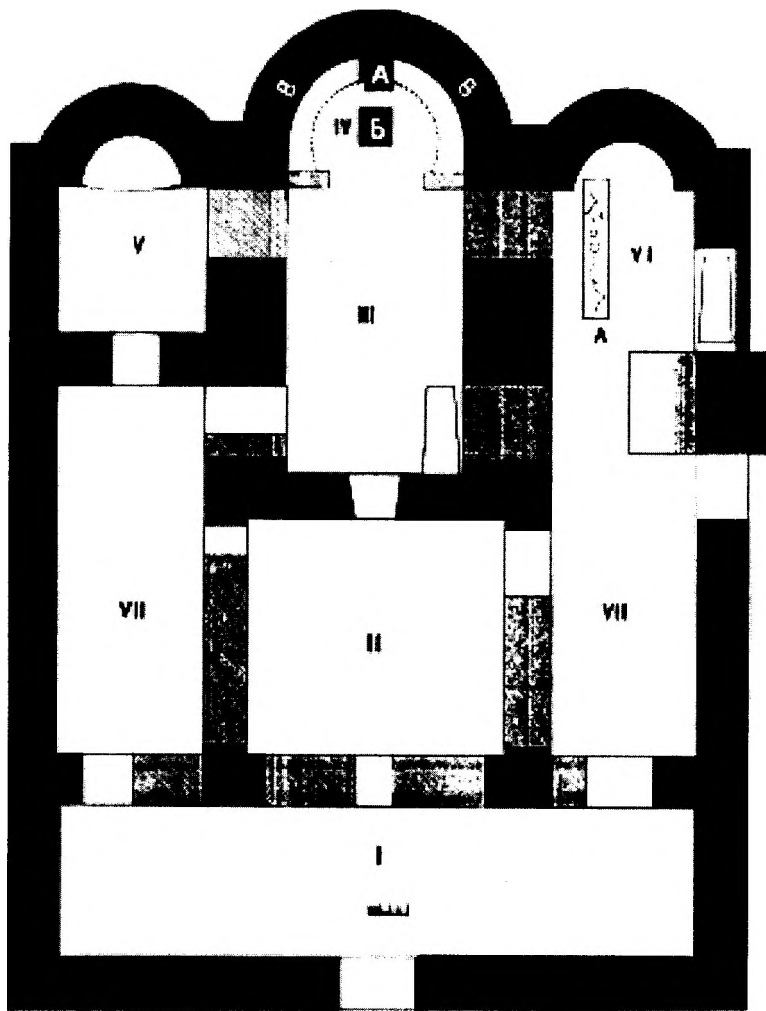

Рис. 2. План Партенитской базилики по Д. М. Струкову. 1871 г. [4].

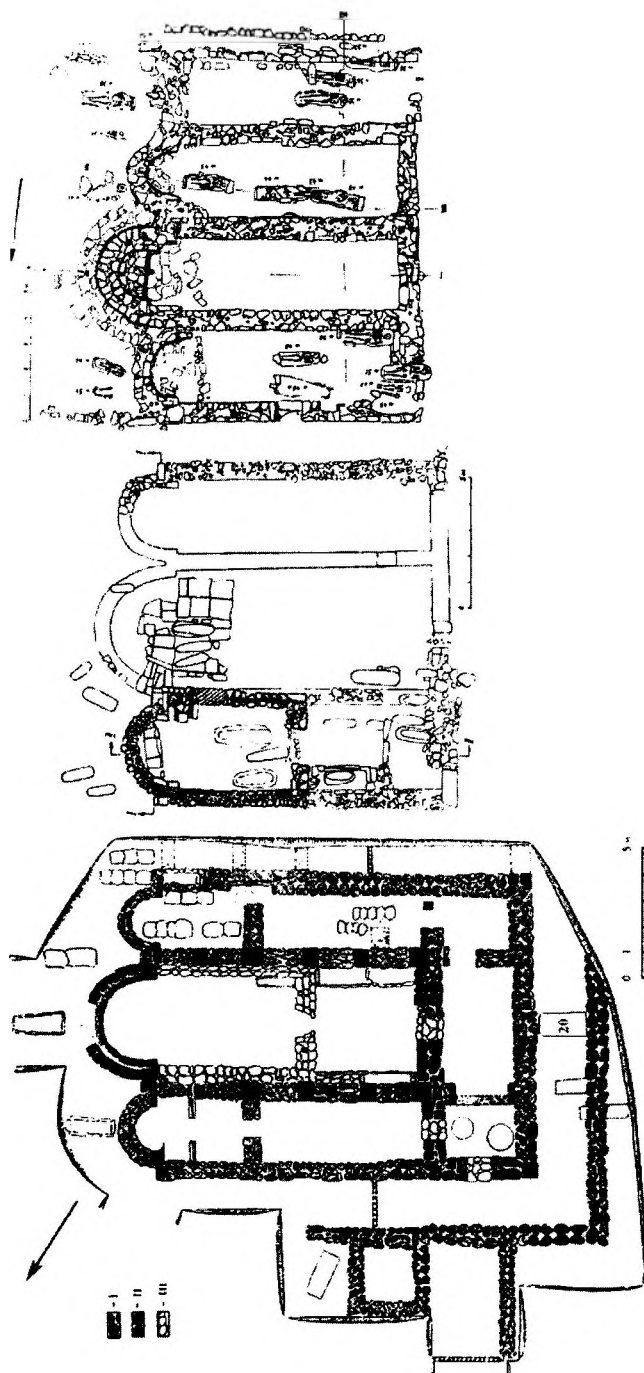

Рис. 3. Партенитская базилика, базилика близ с. Поворотное, базилика близ с. Гончарное [7, рис. 8; 53, рис. 55; 35, рис. 80].

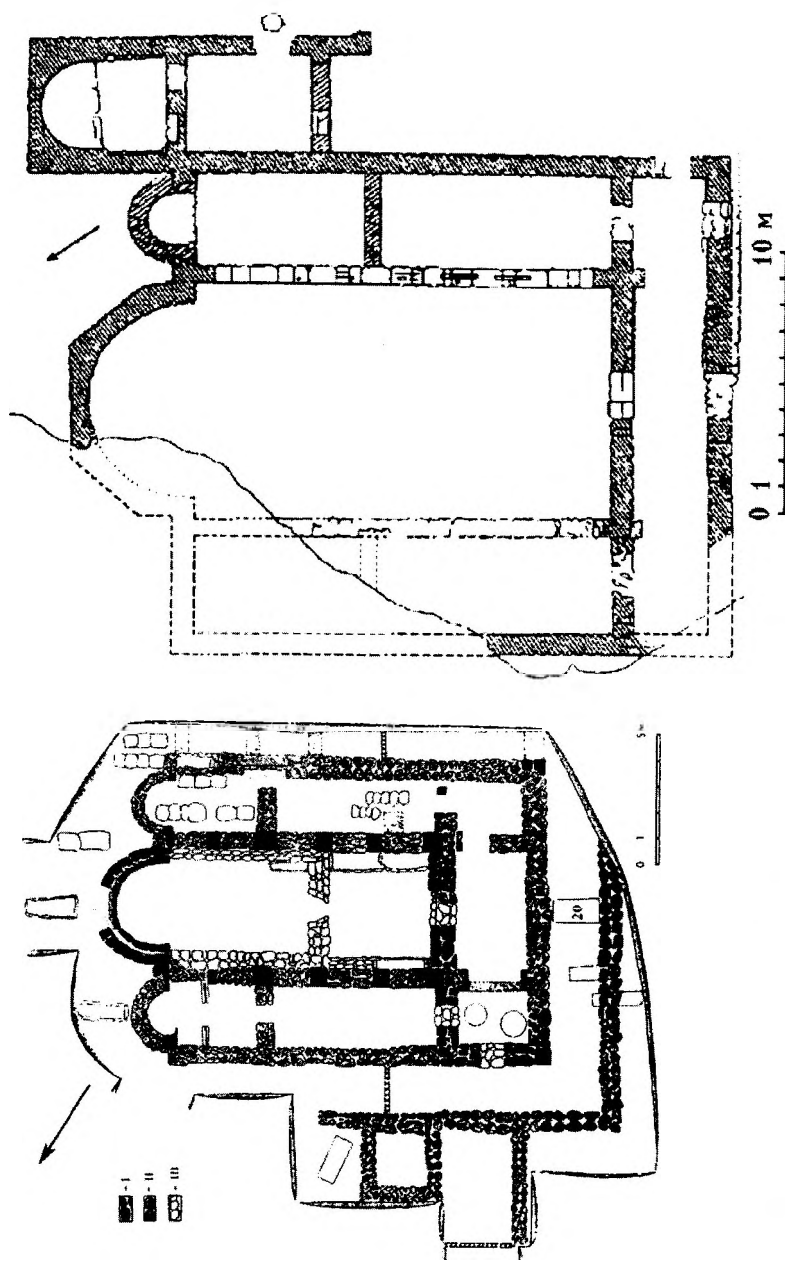

Рис. 4. Партенитская базилика и Северная базилика Херсонеса [7, рис. 8; 30, рис. 79].

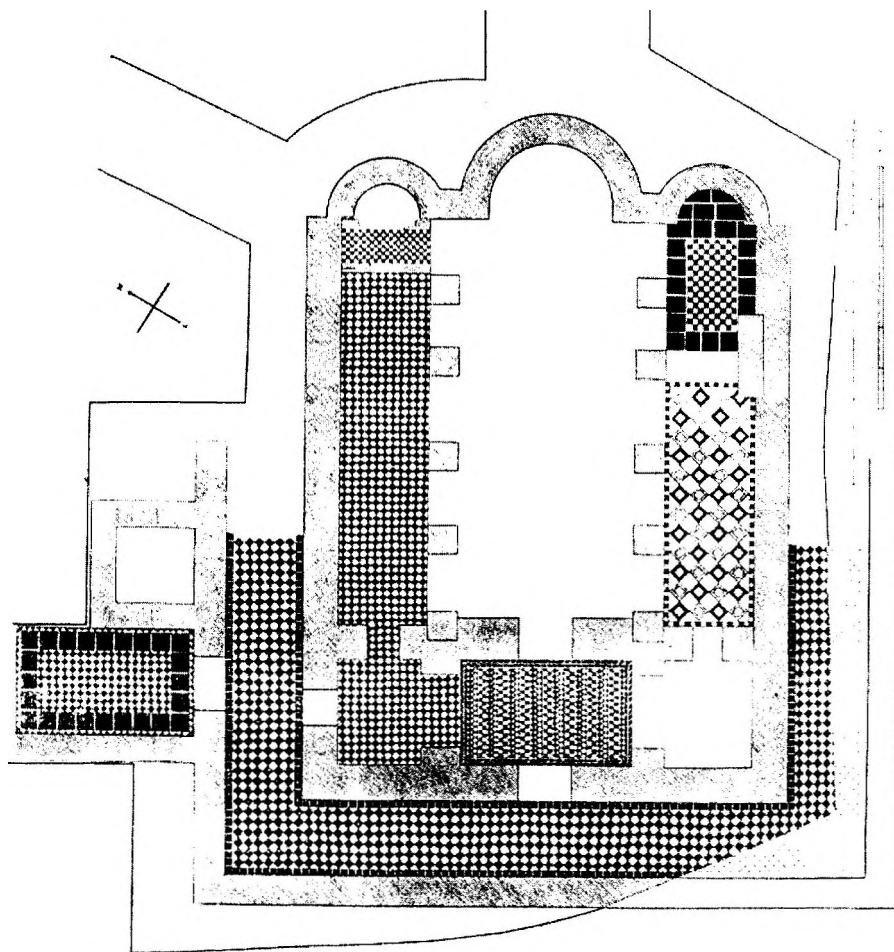

Рис. 5. Партенитская базилика. Реконструкция узорчатой вымостки по Н. И. Репникову [7, рис. 13].